

при этомъ сомнѣнію своего права на сатиру и своего призванія къ обличенію, или онъ въ простотѣ сердечной повѣствуетъ плѣнительныя „преданья русскаго семейства“, либо величественную отечественную эпопею, или онъ раскрываетъ роковую силу страстей, опускаясь на самое дно человѣческой души. Законы искусства, неумолимая логика художественнаго воспріятія и творчества владѣютъ художникомъ, эстетическіе образы заполняютъ его душу. Онъ всецѣло отдается свободному искусству. Любимецъ музъ, онъ служитъ только музамъ, одному лишь чистому искусству. И въ душѣ его живетъ увѣренность въ томъ, что этимъ служеніемъ онъ даетъ человѣчеству то, чего никто не можетъ дать помимо него. Онъ чувствуетъ себя священнослужителемъ искусства, жрецомъ красоты, и своимъ не обманывающимся художественнымъ чутьемъ онъ сознаетъ, что онъ не заблуждается въ этомъ; если только онъ художественно не лжетъ, если онъ не подчиняетъ чему-либо чуждому своего искусства, то онъ дѣйствительно приносить людямъ звуки, краски, слова изъ міра иного, изъ „отчизны пламени и слова“. Черезъ себя, своимъ творчествомъ, онъ даетъ выходъ этимъ тѣснящимся въ душѣ его нездѣннымъ образамъ, онъ снимаетъ преграду двухъ міровъ.

Ihr drängt euch zu! Nun gut, so mögt ihr walten,
Wie ihr aus Dunst und Nebel um mich steigt;
Mein Busen fühlt sich jugendlich erschüttert
Vom Zauberhauch, der euren Zug unwittert.

(Faust. Zueignung).

И напряженное вдохновенье разрѣшается сладкой мукой творчества.

Ein Schauer fasst mich, Thräne folgt den Thränen,
Das strenge Herz, es fühlt sich mild und weich;
Was ich besitze, seh'ich wie im Weiten,
Und was geschah, wird mir zu Wirklichkeiten.

(Тамъ же).

Великій художникъ есть вѣщунъ, ясновидецъ иного міра. Онъ говоритъ отъ себя, но не свое.